

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ. КРИЗИС ПРОДОЛЖИТСЯ?

Василий Ванчугов

Государственного бюджета не хватает на содержание всех университетов. Вполне естественно в таком случае попробовать одни вузы финансировать из казны, а других отпустить на самостоятельные заработки. В споре, какое образование обеспечивает лучшее качество — коммерческое или бесплатное, за государственный счет, — часто указывают на Штаты. Еще бы, несмотря на высокую

стоимость обучения в США все равно едут со всех концов света, что в совокупности обеспечивает дополнительные миллиарды долларов! И это помимо своих граждан, получающих степени бакалавров и магистров.

Образование в Штатах является, прежде всего, сферой бизнеса, а здесь на первом плане всегда стоит вопрос о прибыли. Система высшего образования воспринимается

там прежде всего как сфера выгодного вложения средств и, как показывает практика, затраты на диплом (BA, MA, PhD) со временем окупаются. В выигрыше от этого бизнеса университеты, студенты, да и само государство. После «11 сентября», когда у иностранцев — потенциальных студентов — возникли проблемы с получением американских виз, довольно скоро ректоры университетов

настояли на встрече с госсекретарем США. Они не просто выразили ему свое неудовольствие, а назвали примерную сумму убытков, которые несут не только они, но и казна за счет недополученных налоговых отчислений. Цифра впечатляла, так что вскоре в этой сфере последовали соответствующие послабления.

Университет в Штатах почитаем как «храм науки», но прежде всего он — бизнес-структура, и оборот иного учебного учреждения сопоставим с деятельностью транснациональных корпораций. И сила влияния у университетов схожая, и социальный статус обладателя диплома высок. При всей демократичности общественного строя американцы понимают, что каждый получает в нем в зависимости от прилагаемых усилий и средств. И среди факторов, помогающих в успехе, не последнюю роль играет диплом о высшем образовании: бакалавр — хорошо, а магистр еще лучше! Все это не гарантирует автоматически высоких доходов у его обладателя, но повышает возможности в их получении. Чем престижнее университет, тем выше цена получаемого в нем диплома, тем больше шансов с таким «билетом» устроиться на достойную и высокооплачиваемую работу. Пройденные тобою учебные программы, зафиксированные в резюме или Curriculum Vitae («творческая биография») — как хорошая «кредитная история». И ради этого люди готовы к тратам: задолго до поступления в колледж откладывают деньги, ищут гранты, берут кредиты...

Вот и у нас в новых экономических условиях возникает соблазн — а давайте сделаем так же, как там, за океаном, хотя бы частично! Государство давно устало от попечительства. В период «перестройки» оно даже лет на десять просто забыло об образовании, лишь приглядывая за этой сферой, но не особенно заботясь. Не в состоянии обеспечить нормальное финансирование высшей школы, оно позволило вузам вести коммерческую деятельность. Земельные участки и корпуса сдавались в аренду, наряду с бюджетными студентами появились и «коммерческие». Число студентов возросло на порядок, вузы прирастали филиалами, сотнями появлялись новые уни-

верситеты и академии. Но одностороннее решение проблемы (обеспечение дополнительных источников финансирования) обострило другие. За короткий промежуток времени возникло множество вузов, выдающих всем желающим дипломы, словно поздравительные открытки, а активная коммерческая деятельность то и дело вовлекала администрацию университетов в полукриминальные истории. Так что с возрождением государственности у нас вновь пришла пора наводить порядок в сфере высшего образования.

Но что можно сделать? Брать всех под государственную опеку или предоставить право самостоятельной коммерческой деятельности? Или только часть отпустить на вольные хлеба, а другую оставить за собой? Первое вроде бы уже как невозможно (бюджет не бездонная бочка), второй вариант пока отпугивает, а вот третий путь видится привлекательным — сохраняя контроль над образованием, государство ставит эксперимент, а там, если все получится, можно перейти ко второму варианту...

Рассмотрим вариант «коммерческой автономии» (выражаемый в девизе «зарабатывайте сколько сможете, только платите налоги») в основном применительно к сфере гуманитарного образования. При либерализме государства этому сценарию развития событий благоприятствует еще и такое явление, как Болонский процесс (стандартизированная система оценки знаний, академическая мобильность, возможность студенту самостоятельно формировать свой учебный план и проч.). Все это, однако, можно найти и в американской модели обучения в высшей школе. Как бы то ни было, сразу же следует отметить радикальное изменение модели в системе образования. Прежде всего, предстоит отказаться от привычного многим типа взаимоотношений в «храме науки», когда переступающий его порог студент полностью принимает установленные правила игры, потому что он еще никто и ничто, *tabula rasa*, так сказать, или пустой сосуд, и мудрые преподаватели наполняют его нектаром знаний, тем, что между ними считается нужным и важным. Но отныне все не так, потому что поведение выстраивает-

ся согласно парадигме «оказания образовательных услуг». В данной системе взаимоотношений есть клиент (студент) и тот, кто берется за оказание услуг, — Университет, в лице профессорско-преподавательского состава (ППС). Чем больше клиентов, тем лучше Университету, тем полнее казна, тем выше зарплата ППС!

Но если рассматривать данный процесс не отвлеченно, а конкретно, то многие плюсы сразу же разлагаются как минимум на два минуса, а временные улучшения сейчас дают гарантированные ухудшения потом, приводящие к длительному и масштабному кризису. Причем кризису не только системы образования, но и всего общества, потому что из высшей школы выходят те, кто завтра войдет в состав элиты страны. Возьмем такой количественный аспект, как «много студентов». Для казны Университета это, безусловно, хорошо. Только вот, как показывает практика, аудиторный фонд при этом обычно остается неизменным, и где раньше сидело два десятка человек, теперь, после «уплотнения», сорок! В погоне за числом студентов забывают про санитарные нормативы, а от предельной скученности и спертого воздуха спасением бывают разве что многочисленные прогульщики. На это администрация также старается не обращать внимания: зачем отчислять студента, источник дохода? Погоня за количеством неизбежно приводит к появлению и такой проблемы, как рост среди учащихся числа маргиналов, а то и просто полукриминальных элементов, от которых страдают и нормальные студенты, и преподаватели.

Но даже если девиантов и маргиналов отсекают на первых этапах (хотя этого, по существу, не может себе позволить у нас пока ни один вуз), то все равно проблема качества еще не решена. Ведь и ответственность, когда она имеет массовый характер, не менее опасна для общества. К увеличению числа серых личностей приводит понижение уровня требований, неизбежное при ведении учебного процесса в новых либерально-рыночных условиях. Причем происходит все это в контексте «оказания образовательных услуг» вроде как естественно

и незаметно. Студент — прежде всего клиент, имеющий четкий денежный эквивалент — сумма, которую он готов заплатить за оказание ему со стороны ППС услуг. И если предъявлять к клиенту слишком высокие требования, он всегда найдет более снисходительного исполнителя. Так что из двух заявленных на один курс программ большинством будет выбираться та, что меньше напрягает, принося те же кредиты (очки, баллы).

В условиях рынка, когда вертикаль «преподаватель — студент» меняется на горизонталь «студент (заказчик) — преподаватель (исполнитель)», демократизация образования есть лишь проведение в жизнь в новой сфере известного всем девиза «клиент всегда прав». В прежней схеме образования (для либерально-рыночной модели она видится ныне уже не иначе как «тоталитарной», подавляющей свободную творческую личность) науку (знания, навыки) студенту как бы навязывали, а здесь к этому заботливо ведут, как капризного клиента, осторожно оказывая ему «образовательные услуги». Как в ресторане вам подают меню на выбор, так и в вузе новой формации — студенты сами выбирают предметы (курсы). Чтобы получить степень бакалавра, скажем, надо заработать «кредиты» («баллы», «очки», назовите это как угодно... суть в том, что это своего рода «у.е.», в которых оценивается предлагаемый (выставляемый на продажу) курс). Курс может оцениваться в один или несколько «кредитов». Чтобы заполучить на выходе диплом, надо накопить за четыре года (если это бакалавриат, два — в магистратуре) требуемую сумму. Часть курсов при этом все еще обязательна, а другая — по выбору. И студент наш, естественно желая наименьшего сопротивления, начинает выбирать из предлагаемого то, что «попроще». Если в заявленном курсе обещать ему, что научишь отличать «трансцендентное» от «трансцендентального» на основе досконального разбора нюансов «Критики» Канта, то он чаще всего предпочтет его той программе, где все как бы о том же, но намного проще, а еще лучше, если ему изобразят все это в танце или спюют...

Кому из преподавателей захочется терять в зарплате? Так что постепенно все курсы «по выбору» будут упрощаться. Но и те предметы, что пока числятся в разряде обязательных, также эволюционируют в сторону упрощения, чтобы не раздражать «клиента» трудностью понимания. И никто не гарантирует, что и они не перейдут в категорию «по выбору», если потребуются удержать клиента или привлечь нового. Это ведь он деньги в университет приносит, а не преподаватель. Последний всего лишь получает возможность заработать!

Таким образом, залогом будущего процветания университетов является упрощение учебных программ. А что в итоге? Дипломированная армия посредственностей, которые вскоре начнут принимать решения, возьмутся за исполнение проектов федерального и регионального уровней. Судьба страны в таком случае будет предreshена. А потому, пока этот формат обучения («оказание образовательных услуг на рынке труда», с акцентом на «услугах», с плохо скрываемым «чего изволите?») не принял масштабный характер, надо подумать о возможных последствиях. В интересах все той же государственности принимать решения стоит, все же согласуясь с мнением академического сообщества, а не корпорации чиновников. Придание нашей системе образования инновационного характера — хороший замысел, но инновации под контролем чиновников — утопия!

Оставив одни вузы на своем содержании, а других отпустив на самостоятельные заработки, но сохранив за ними контроль посредством чиновников, ведающих правом лицензирования, государство уже задает проблему на будущее. Но даже без этих «товарищей», решающих за университеты, что и как в них преподавать, существует угроза качеству образования. Модель, когда студент — «заказчик», а преподаватель — «исполнитель», в принципе губительна, причем для обоих участников «сделки». Ведь если при прежней модели студент подтягивался до уровня преподавателя (что есть эволюционный момент, полезный для общества), то теперь преподавателю предстоит упрощаться, подстра-

иваться под запросы того, кто еще с точки зрения науки никто. А в этом заложена деградиционная модель поведения. Негативные последствия скажутся не сразу, зато они неизбежны по наступлению и чрезвычайно губительны по результатам. Конечно же, для того чтобы студент изучал не то, что ему «понравится», а то, что надо изучать, если хочешь достичь успеха в выбранной сфере деятельности, университет должен быть корпорацией интеллектуальной элиты, гарантирующей подготовку высококвалифицированных кадров, конкурентоспособных как на рынке труда, так и на государственной службе.

А как же в Америке, с которой мы начинали свои рассуждения? Там ведь вроде бы тот же механизм, что начинают применять и у нас, только почему такое различие в конечном продукте? Потому что там университет сам решает, что и как преподавать, объединяясь в ассоциации, определяющие правила игры, и в условиях рынка проигрывает и теряет кредит доверия, если что-то не так в его тактике и стратегии. Между университетом и обществом нет прослойки чиновников. А до тех пор, пока у нас на принятие решений влияет эта «корпорация» посредников, даже самые замечательные модели образования, будь они скопи-

рованы с учебного процесса в Ivy League («Лиги плюща»), или внедряемы в формате «Болонского процесса», — все они выставляют нас в самом неприглядном виде. И ладно бы только виде... Это ведь снова станет настоящей бедой, превращающей страну в аутсайдера со всеми геополитическими последствиями, в то время как другим та же образовательная модель позволяет сохранять господствующее положение.

В общем, прежде чем затевать реформу, необходимо еще раз подумать, в особенности академическому сообществу, чтобы не повторить судьбу панургова стада. Какова роль России в будущем? Многое зависит

от модели образования. Здесь прообраз нашего будущего. Реформа, безусловно, нужна, но пока интеллектуальное сообщество мало влияет на ее формат, а без его активного участия любые инновации могут превратить путь великих реформ в блуждание по кругу. Впрочем, возможно, что для кого-то это нормальное состояние, и может быть, даже проявление патриотизма. Но движение по кругу, хотя и позволяет не заблудиться, всё же не является признаком истинного пути.

Mantis «Everybody has a price», 2008

Персональная выставка Андреаса Гурского в культурном фонде «Екатерина»